

БЕОВУЛЬФ

*Англосаксонский эпос
в пересказе*

АЛЕКСЕЯ АХМАТОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

**MATRIX
EPICUS**

Matrix Epicus

Эпосы, легенды и сказания

**Беовульф. Англосаксонский эпос
в пересказе Алексея Ахматова**

«Литературная матрица»

2025

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Беовульф. Англосаксонский эпос в пересказе Алексея Ахматова
/ Эпосы, легенды и сказания — «Литературная матрица»,
2025 — (Matrix Epicus)

ISBN 978-5-60-526575-7

«Беовульф» - это не только литературный памятник VII века, самый объёмный из дошедших до нас на древнеанглийском языке, но и воистину захватывающая история о приключениях отважного скандинавского воина, прославившегося среди соплеменников в далёкие времена викингов. Имена сказочных чудовищ и великанов переплетаются здесь с именами реальных исторических деятелей и королей, а мифические сражения соседствуют с вполне конкретными историческими событиями. Представленный в книге полный прозаический пересказ «Беовульфа» сделан известным петербургским поэтом Алексеем Ахматовым, лауреатом премии «Русский Гофман», премий им. Бориса Корнилова и им. Н. В. Гоголя, - его работа, безусловно, сделает эту средневековую историю ближе, доступнее и привлекательнее как для ценителей эпической литературы, так и для широкой читательской публики. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-60-526575-7

© Эпосы, легенды и сказания, 2025
© Литературная матрица, 2025

Содержание

Предисловие	6
Беовульф	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Беовульф

Англосаксонский эпос в

пересказе Алексея Ахматова

© Алексей Ахматов, пересказ, 2025

© Александр Веселов, иллюстрации, обложка, 2025

litmatrix.ru

Предисловие

Хотелось бы поделиться впечатлениями, которые родились в процессе проделанной мной работы. Книга, лежащая перед вами, представляет собой прозаический пересказ древнейшей англосаксонской поэмы. В чём-то он сродни переводу с подстрочника, и хотя не столь строг, но всё же достаточно близок к смысловой составляющей. Я старался буквально дышать в затылок исходному тексту, опираясь, прежде всего, на русский перевод аллитерационным трёхсложным стихом Владимира Тихомирова, который был опубликован в 1975 году в девятом томе серии «Библиотека всемирной литературы».

Как-то я встретил в воспоминаниях Фаины Гринберг такой забавный пассаж: «Наверное, многим известны переводы “Поэзии Древнего Египта”, сделанные Анной Ахматовой. Это всего лишь подстрочники, сделанные египтологом Исидором Кацнельсоном, которые поэтесса никак не изменила. Когда он это увидел, только рукой махнул, потому что с большим пиететом относился к Анне Ахматовой». Разумеется, я не мог позволить себе такой роскоши, поскольку, скажем прямо, сегодняшний читатель едва ли сможет получить полноценное удовольствие от первоначального текста. И дело не только в затруднённом слоге, кеннингах, с годами утрачивающих зрительность, или малозапоминающихся конунгах, чьи имена уже ничего не говорят нынешнему читателю. Проблема в том, что сейчас читатель предъявляет к произведению совершенно иные требования, нежели тысячу лет назад. Его вряд ли сможет удовлетворить смешение будущих и прошедших времён, вставки других сюжетных линий, многочисленные повторы и другие допущения, которые современников создания эпоса, похоже, не смущали вовсе.

Я же поставил перед собой задачу внятно, на русском языке для русского читателя XXI века изобразить то, что неизвестный писец изложил на древнеанглийском языке для саксов X–XI веков. Надо заметить, что записал он не своё произведение, а как бы запротоколировал сказания, возникшие где-то веке в VII–VIII, причём не на родной земле, а на территориях нынешних Дании и Швеции, про племена древних германцев, века приблизительно V–VI. Такая вот многоступенчатая получилась у нас конструкция.

Времена, в которые действовал легендарный герой Беовульф, можно определить с некоторой долей вероятности, поскольку в поэме наряду со сказочными персонажами упоминаются вполне конкретные правители и племена. Примерно к этому времени можно отнести и происхождения мифического короля Артура, персонажа британского эпоса (кстати, как и у нашего героя, его имя тоже переводится с кельтского как «медведь»). На Востоке уже действует вполне исторический религиозный деятель, пророк Мухаммад. В византийских источниках начали появляться упоминания славян как грозной силы, распространившейся от Адриатики до Балтики и даже Северного моря.

Проходит столетие, а может, два, когда под сенью франкских королей началось Каролингское возрождение, стали расцветать культура, искусство и теология в Западной Европе. Именно тогда и начала складываться в устном изложении «Поэма о Беовульфе».

Имя автора (вероятно, их было несколько), к сожалению, не сохранилось, ведь сама поэма появилась тогда, когда представления об авторских правах были крайне невняты. Кто пересказал, тот и становился на этот момент автором. Хотя бенедиктинский монах Беда Достопочтенный уже закончил к этому времени первую историю Англии «Церковная история народа англов». То была эпоха викингов. Участились их набеги на побережье Британии.

Что касается остального нехристианского мира, то начинается золотой век ислама. Золотым веком называют это время и в китайской поэзии.

Проходит ещё пара столетий, и вот уже появляется на свет сорок четыре главы нашей поэмы, записанной ещё на пергаменте, ведь в это время только-только начинается производ-

ство бумаги на Европейском континенте. К слову сказать, в Китае уже учатся печатать первые тексты с помощью ручного набора. Это время создания древнейшей поэмы французской литературы «Песнь о Роланде». На Востоке исследует человеческие недуги Авиценна, создаётся длиннейшая авторская поэма «Шахнамэ» на персидском языке, творит Омар Хайям, в Японии возникает величайшее произведение японской литературы «Повесть о Гендзи».

Именно тогда христианство окончательно утверждается в Норвегии и Исландии, побеждает в Дании, которая вторгается в Норвегию и одновременно уходит из Англии в Нормандию. Кстати, приблизительно тогда же принимает христианство и Русь.

Христианская церковь раскалывается на православие и католичество. Начинается эра Крестовых походов... Почему я так долго останавливаюсь на историческом фоне? Да потому, что, с одной стороны, так можно более полно понять место этой поэмы в общемировой культуре, а с другой – я пытаюсь объяснить, почему из текста, записанного в эпоху прозелетизма и нетерпимости к иным верованиям, я полностью выключил христианские мотивы. Мне думается, что это, прежде всего, памятник дохристианской культуры. Германская героическая картина мира для моего уха никак не коррелирует с многочисленными библейскими вкраплениями, искусственно вшитыми в ткань произведения в X–XI веках, когда иначе писать было просто невыносимо. Сам факт дошедшей до нас поэмы чудесен не только тем, что она горела и разрушалась вследствие естественных обстоятельств, но и потому, что её создание, а точнее сохранение, стало возможным лишь благодаря столкновению двух противоборствующих тенденций – католической христианизации Англии с юга и ирландской с севера. И если первые достаточно безжалостно относились к любым проявлениям язычества, несмотря ни на какие библейские отсылки, то вторые сами были носителями народных верований, германских мифов и сохраняли сказочные мотивы под христианской оболочкой. Неудачная миссия папы римского Григория в Англии не успела должным образом развернуться, иначе поэма, скорее всего, была бы не то что уничтожена, но просто-напросто не была бы записана. По мнению нортумбрийца Алкуина, например, такой полужыязыческий текст не стоил чернил, которые потратили на его запись. В те времена этот миссионер прямо выступает против Беовульфа: «... тесен дом Христа и не может вместить одновременно писания отцов церкви и поэмы языческих поэтов».

Сегодня трудно подозревать дом Христа в малой вместимости, скорее, так можно думать про собственные представления о многогранности мира. У Алкуина не возникает и тени сомнений относительно тесноты своего сознания, и это несмотря на то, что Аврелий Августин за двести с лишним лет до него обращался к Богу с просьбой: «Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его».

Миссионеры же севера бережно сохранили эту поэму, вставляя в текст многочисленные, но не очень органичные рассуждения на тему того, что нечисть – это семя Каиново и великаны – его чудом сохранившиеся потомки. Также странными выглядят и многочисленные упоминания Господа Бога, которые диссонируют с ярким ощущением Судьбы, пронизывающим всё произведение. Невозможно представить себе христианские проповеди о всепрощении рядом с восторженным отношением к вергельду – плате за кровь, кровной мести, иными словами. Трудно соединить вместе языческие обряды, да и само погребение героя – сожжение вместе с сокровищами, с последующим возведением кургана, – и рассуждения о христианском аде и рае. Никак не сочетается образ Беовульфа с тем, что его «душа отправилась // искать награды // среди угодников...».

Вероятно, для мировоззрения средневекового слушателя библейские истории на равных правах уживались с германскими сказками и были так же реальны, как великаны, драконы, короли и герои. Современное ухо сразу улавливает эти несоответствия. Были для меня в тексте и другие, так называемые трудные места. Например, когда после победы над Гренделем затевается пир, некий скальд поёт героическую балладу, прославляющую Беовульфа, с упомин-

нанием давнего похода на фризов, в котором еле спасся сам Беовульф (который не может не знать об этом) и где погибает его конунг Хигелак (в то время как последний сам же послал Беовульфа помочь Хродгару и в этот момент, «живее всех живых», ожидает героя в своём дворце). Несмотря на то, что Хигелак будет править ещё долго, скальд поёт о его гибели, которая произошла когда-то давным-давно. Вероятно, для читателя X века такие расхождения не казались необычными. Времена и события, люди и чудовища, христианская религия и германская мифология, исторические деятели и сказочные персонажи – всё смешивалось для него в единую, не вызывающую сомнения реальность. Я же сегодня без хирургического вмешательства это сказание, как полноценное произведение, не вижу. Пришлось убрать некоторые более поздние (думается) приписки, а кое-где изъять из текста повторяющиеся эпизоды. Мне было важно, чтобы не пострадала главная составляющая этого эпоса – удивительный колорит и реальный исторический фон, на котором разворачиваются сказочные события. Недаром этим сказанием был очарован Джон Рональд Толкин, основатель целого литературного направления «высокого фэнтези». Известны его сетования на бедность английского фольклора: «...меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у неё нет собственных преданий (связанных с её языком и почвой), во всяком случае, того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель. Есть эпос греческий и кельтский, романский, германский, скандинавский и финский (последний произвёл на меня сильнейшее впечатление), но ровным счётом ничего английского, кроме дешёвых изданий народных сказок».

Именно эта поэма вдохновила его на создание «Властелина колец» и прочих произведений, породивших массу последователей по всему миру. Он прямо говорил, что Беовульф является самым ценным среди источников и что его влияние можно увидеть на протяжении всего «легендариума Средиземья».

Мой пересказ разбит на три главы, по количеству описанных подвигов (в то время как специалисты разделяют этот текст на четыре части). В первой – славный датский король Хродгар отстраивает невероятный замок для пиров – Хеорот. Но шум весёлых застолий раздражает живущее неподалёку болотное чудовище по имени Грендель. Оно пробирается ночью в замок и пожирает нескольких спящих воинов. Ободрённый доступностью человечины, Грендель повторяет свой набег на следующую ночь. Затем ещё и ещё. Так, по утверждению сказителя, происходит на протяжении двенадцати лет. На севере через пролив, в земле гаутов об этом горе узнаёт богатырь Беовульф и приплывает с дружиной на помощь Хродгару, поскольку тот в своё время помог отцу Беовульфа.

В честь прибывшего защитника организуется пир, на котором один из придворных датского короля высказывает сомнение по поводу богатырских достоинств гостя. Происходит небольшая перебранка, в ходе которой мы узнаём о соревновании Беовульфа с другом детства и сражении с морскими чудовищами. Затем хозяева покидают пиршественный зал, а немногочисленные гауты засыпают, подпав под чары людоеда Гренделя. Не спит только Беовульф. Он без оружия вступает в схватку с чудовищем и вырывает у него из плеча руку. Тот в ужасе бежит в родные болота, где и погибает, вероятно, от потери крови.

Следующее утро ознаменовано радостью хозяев, застольем и многочисленными восхвалениями главного героя. Скальды поют ему славу, попутно рассказывая о событиях минувших лет. Пир заканчивается полным умиротворением. Все расходятся спать.

Вторая глава начинается с гибели любимого дружинника Хродгара. Это ночью с целью отмщения в замок пробирается мать Гренделя. Наутро замок впадает в прежнее уныние. Беовульф обещает справиться с новой напастью. Воины отправляются к болотному озеру, где предположительно может скрываться мать Гренделя, и Беовульф погружается в её подводное жилище. Происходит новый бой, в результате которого Беовульф чуть не лишается жизни. Однако удача сопутствует ему, и он отсекает голову чудовища случайно обретённым мечом великанов. Потом находит труп самого Гренделя, отрубает его огромную голову и возвраща-

ется к уже отчаявшимся соратникам с жутким трофеем. Опять пиры, славословья и песни. Довольные, с несметными дарами, Беовульф и его дружинники возвращаются на родину.

Заканчивается глава встречей главного героя со своим дядей, гаутским конунгом, рассказами о совершенных подвигах и кратким описанием того, каким образом Беовульф наследует трон гаутов.

Третья глава очень кратко говорит о благословенном правлении Беовульфа в течение пятидесяти лет, до той самой поры, пока не налетает на гаутские селения дракон – не думая о последствиях и ничего не зная о наложенном на сокровища проклятии, мелкий воришка похищает из охраняемого драконом клада золотую чашу, чем навлекает на свой народ невыносимые страдания. От ярости дракона погибает множество людей. Беовульф, несмотря на преклонный возраст, всё же решается на битву. Он собирает небольшую дружину и, используя вора как проводника к подземелью, движется навстречу судьбе, прекрасно сознавая, что это его последняя битва. Похоже, то же осознание носит в себе и дракон, который в отличие от Гренделя с его матерью хоть и является олицетворением злых сил, но сам исполняет определённый долг по охране клада.

Таков вкратце сюжет этого произведения. В главном герое воплощены все лучшие качества, какие почитали древние германцы. Некоторые из них для человека современного покажутся весьма сомнительными. Давайте попробуем их перечислить: сила, храбрость, щедрость, самопожертвование, сребролюбие, хвастливость, безмерная тяга к славе. И если первая половина списка не вызывает сомнений, то вторая, несмотря на то что далеко не изжитая, современным обществом осуждается. Жажда славы мирской в христианском мире вообще греховна, в то время как для древних германцев она была самым главным мотивом к совершению подвигов. Ради неё не жалко было и жизнь отдать. И этот мотив не раз прослеживается в поэме о Беовульфе. То есть можно говорить о том, что наш менталитет с тех пор изменился.

Есть ещё несколько моментов в описании человеческой природы, которые могут сегодня удивить нашего современника и заставить его задуматься. Гаутская дружина спешит на выручку данам. Казалось бы, зная неотвратимость прихода Гренделя, необходимо объединиться с помощниками, удвоив тем самым шансы на победу. Но нет! Все даны, как один, по знаку своего конунга покидают пиршественный зал, оставляя пятнадцать гостей отдуваться за всех. Не столь удивителен даже сам поспешный уход хозяев замка, сколь отсутствие осуждения у тех, кто остаётся, возможно, на свою погибель. Случай исчезновения данов в ответственный момент, когда, в общем-то, решается их судьба, повторяется и во второй части, когда, видя кровавящееся озеро и подозревая, что Беовульф погиб, отряд под командованием Хродгара оставляет гаутскую дружину и в полном составе возвращается во дворец. Гаутам даже не предложено проследовать за ними. То есть они в случае победы матери Гренделя должны погибнуть на берегу. И это не только не обсуждается, но и не осуждается самими гаутами, гипотетически обречёнными на смерть. Поскольку такие моменты не единичны, здесь можно заподозрить наличие какого-то особого, отличного от современного, отношения древних германцев к сложным жизненным ситуациям и друг к другу.

Также непонятны, наверное, современному читателю эпизоды, когда в произведении осуждаются поступки, которые на сегодняшний взгляд никак под осуждение попасть не могут. Например, упрёки конунга Хигелака в адрес вернувшегося Беовульфа. В своём пересказе Я сгладил этот момент, но в изложении Тихомирова он достаточно выпуклый:

Ты покинул нас,
родич Беовульф,
обуянный желанием
испытать себя

.....

Я не верил в успех,
сокрушался в душе
и, страшась твоих
дерзких замыслов,
друг возлюбленный,
умолял не искать
встречи с чудищем...

При этом в начале поэмы на самом деле говорится:

Людей не пугала
затея дерзкая,
хотя и страшились
за жизнь воителя,
но знаменья были
благоприятные.

Более того, могучий дружинник воинства Хигелака никак не мог отплыть самостоятельно, если бы его родной дядя был против такого похода. Примерно так же мне не понятно осуждение Виглафом ратников, которых Беовульф отправил пережить сражение с драконом за скалами:

...за то отныне
и вам не будет
даров сокровищных,
нарядов ратных,
ни радостей бражных;
и вы утратите,
землевладельцы,
наделы наследные,
когда услышат
дружиноводители
в краях сопредельных
о том, как в битве
вы обесславились!
Уж лучше воину
уйти из жизни,
чем жить с позором!

В принципе, это можно было бы списать на личную досаду Виглафа перед лицом умирающего конунга, если бы не авторский голос, который не оставляет ни одного шанса для иной трактовки их поступка:

...клятвопреступники, —
те десять бесславных,
бежавших в страхе,
копья в испуге
поднять не посмевающих,
меча в защиту

ратеначальника, —
и вот, покрывшие
щиты позором...

Могли ли они послушаться своего военачальника? Ведь сам Беовульф ясно приказал дружине (и это приравнено к клятве):

...ищу я встретиться
с жизнелюбителем,
.....
А вы дождитесь
вблизи кургана,
мужи доспешные
того, победного,
из двух соперников,
кто упасётся
от раны смертельной;
не вам сражаться,
но я – единственный,
кому по силам
тягаться с гадом...

Чем провинились бойцы, строго исполнившие приказ своего командира? Налицо совершенно разное понимание определённых этических норм тогда и сегодня. И это, возможно, тема для целого исследования.

При детальном изучении поэмы мне показался любопытным ещё один момент, а именно глубокое понимание древними германцами, что даже плохой правитель лучше, чем отсутствие правителя совсем. Тут уже современный человек, разбалованный относительно спокойным временем и международными правами, заложенными после Второй мировой войны, в достаточной степени деградировал по сравнению с людьми Средних веков в этом вопросе. Король или конунг, каким бы он ни был жадным или несправедливым, всё-таки оставался вождём народа, его покровителем и заступником перед другими королями, племенами и государствами. Пока у власти находился сильный правитель – народ имел не просто хлеб, кров, работу и закон в разрешении многочисленных спорных вопросов, но и защиту в первую очередь. Как от соплеменников, так и от чужаков. Своего короля можно было не любить, можно было не соглашаться с его действиями, но если он погибал или переставал исполнять свои функции – это была большая беда для всех его подданных, означавшая междоусобицы, войны, потерю не только благополучия, но иногда свободы и даже жизни.

Что ж, вернёмся к началу. После того как поэма была записана, интерес к ней угас примерно на 600–700 лет. Можно даже сказать, что она была основательно забыта. Внимание к ней пробудилось только в XIX веке, когда многие государства стали искать народные истоки с целью обосновать свои корни, найти идентичность и укрепить государственность. Это если отбросить сомнения в её подлинности, которые тоже имеют под собой некоторые основания. Будем считать, что «Поэма о Беовульфе» (первоначально не имевшая никакого названия) – один из самых древних и самых объёмных литературных памятников на древнеанглийском языке. Именно поэтому адаптация этой поэмы для современного русского читателя может дать нам объёмную картину формирования англосаксонской культуры. Знание истоков помогает лучше понимать то, откуда и как развивалась западноевропейская литература в целом.

Погрузимся же в мир великанов и драконов, героев и древних королей и выйдем из этих вод мудрее и культурно богаче.

Беовульф

Много легенд сложено о славных героях древних времён, по праву известны богатыри прошлого своими необыкновенными походами и яростными битвами. Но мы добавим к этим легендам ещё одну – сказание о могучем воине из королевства гаутов, что находилось на севере от пролива, разделяющего Данию и Швецию.

Начнём с легендарного Скильда Скевинга – основателя датского королевского рода, который появился в землях данов малым ребёнком неведомо откуда, на ладье, которой никто не правил. Кем были его родители – так и осталось неизвестно, хотя рядом с младенцем нашли множество даров: драгоценных камней и золота. Значит, происходил он из какого-то знатного рода. Среди данов он вырос и возмужал, стал ходить в ратные походы. Многие окрестные народы признали его первенство. Люди считали, что, посылая ему удачу в делах, судьба таким образом расплачивается с ним за тяжёлое детство, воздавая сполна по заслугам.

Не один раз, налетая со своей дружиной на окрестных правителей, Скильд заставлял их отрываться от пиршественных столов. Власть его крепла, и вскоре стали покорны ему не только ближайшие соседи, но и племена, живущие за морем. Многие королевства теперь платили ему дань и присылали корабли с дарами.

Боги наградили Скильда сыном – наследником престола. Отец был очень рад наследнику, поскольку сам ещё застал время безвластия, а в древности не было большего несчастья для германцев, чем остаться без покровительства князя. Служба в дружине означала не только почёт и достаток, но и защиту от других воинственных правителей. Сына нарекли Беовульфом, что значит «пчелиный волк», то есть медведь. Но то был ещё не тот герой, о котором пойдёт речь в дальнейшем, – про того услышим позднее. А сейчас – рассказ о том, как род Скильдингов утвердился в Дании.

Молодой наследник добрыми делами и щедрыми дарами нашёл путь к сердцам своих соплеменников – дружина отвечала ему уважением и верностью. Любой воин почёл бы за честь умереть за него в бою.

Пришло время, и отец Беовульфа, славный король Скильд, покинул этот мир, отправившись на пир к Одину. Валькирии забрали его душу в Асгард, а сподвижники отнесли тело правителя на берег моря, как он сам завещал им, когда был ещё в силе. На отмели печальную дружину поджидал чёрный драккар. Славного воина положили на палубу, оставив рядом с телом мёртвого конунга добычу его легендарных походов – целую гору оружия и доспехов. Те, кто был свидетелем этого, говорили, что в жизни не видели более богатого корабля! Серебро и золото, драгоценные камни и дорогая одежда – всё это должно было отправиться с почившим владельцем в неведомое путешествие по солёным хлябям моря. Круг замкнулся – одинокий мёртвый владыка отплывал с сокровищами не меньшими, чем те, что были когда-то на драконоликой ладье, принёсшей его ребенком в Данию. Над мачтой хмурые воины укрепили вышитый золотом стяг и с грустными вздохами отправили морскую усыпальницу по китовым путям. Никто не знал, куда приплывёт их хозяин и чьи чертоги примут усопшего воина.

Вместо Скильда воцарился в Дании его сын – славный воин Беовульф Скильдинг, владения которого, в свою очередь, перешли по наследству к Хальфдану, поскольку он в ратном искусстве не уступал своим предкам и потому процарствовал на датском троне до самого смертного одра. Родил он на свет четверых детей – Херогара, Хродгара, Хальги Доброго и дочь, которая, войдя в пору, вышла замуж за шведского конунга Онелу Скильвинга.

Второй сын Хальфдана – Хродгар был самым бесстрашным из братьев, он превзошёл их в ратном искусстве, и они без колебаний признали его первенство. Из когда-то небольшого отряда его дружина превратилась в мощное войско.

Вдоволь навоевавшись, Хродгар решил, что пора удивить соплеменников и гостей не только подвигами на поле брани, но и умением наслаждаться плодами своих побед – славными пирами. Для того повелел он построить невиданный доселе замок – место веселья и обильных пиров. Многие окрестные племена присылали своих сынов на великую стройку, чтобы выказать королю почтение и покорность. Щедрый Хродгар готов был приветить каждого из своих гостей и разделить с ними вино, пищу и золото. Всё, кроме дорогого сердцу царства и сплочённой дружины, готов он был бросить к ногам своих почитателей.

И поднялся к небу невиданный замок, получивший гордое имя Хеорот, что означало «палата оленя», ведь олень в те времена был символом королевской власти. Там, в пиршественном зале, увенчанном оленьими рогами, славный Хродгар одаривал гостей и подданных драгоценными перстнями и нашейными кольцами.

Но некоторые прозорливцы ещё при строительстве этого чудного замка предрекали, что не простоит он века, что пожрёт его ярое пламя вражды...

И вскоре тёмное зло дало о себе знать. Эхо песнопений, струнные каскады арф, бодрый бой тимпанов и заздравные тосты ужасно раздражали мерзкого духа – хозяина болот, который по природе своей не мог выносить смех беззаботных людей и не терпел, когда кто-то радовался жизни. Особенно обитатель мрачной трясины злился, когда раздавались голоса скальдов, певших о том, как боги создали этот удивительный мир. Каждое доброе слово и каждая гармоничная нота вызывали в нём судороги и животные колики. Хуже горячих углей жгли ему нутро весёлые песни и радость людей.

Так и случилось, что счастливо пировали даны в Хеороте лишь до тех пор, пока не нагрязнул к ним жуткий болотный дух по прозванию Грендель – ужасное и могучее чудовище. Нелюдимый, был он уроженцем тех мрачных мест, в которых издавна селились великаны – с тех самых пор, как были они отвергнуты богами.

Обречённый на одиночество за свою нечистую душу и свирепый нрав, решил Грендель тёмной ночью проведать, надёжна ли охрана ненавистного замка, и, придя под стены Хеорота, с удивлением нашёл всю стражу спящей. Хмельные воины беспечно дремали кто на полу, кто на лавках, не ожидая беды. Обрадовалось чудовище и схватило столько спящих стражников,

скольких смогло унести, – схватило и с оглушительным рёвом поволокло в свои болотные подземелья.

Грендель и сам не чаял найти здесь такую лёгкую добычу. Убив воинов, он освежевал и разделал их, как туши животных. Давно в его логове не было столько мяса...

Проснувшись утром, даны, которым посчастливилось избежать встречи с ночным злодеем, с ужасом увидели место кровавого побоища. Скорбь и страх сковали их сердца – великий пир сменился великой печалью. Не ведали прежде люди, насколько могуч и кровожаден был болотный дух.

Всё утро оплакивали даны своих погибших товарищей. И не было никого, кто мог бы утешить датского конунга Хродгара. Лужи крови на полу и обломанные клинки среди раздавленных в щепу столов и скамей – так выглядело место ночной схватки.

Прошёл день, и наступила следующая ночь. Не думали и не гадали ратники Хродгара, что снова придёт к ним ночная тварь за кровавой данью, – и вновь поплатились за свою беспечность. Налетел во тьме свирепый Грендель на трапезные палаты и опять унёс с собой добычу – желанную ему человечину.

Великая беда опустилась на здешние места. Отныне люди сторонились Хеорота, зная, что пир и хмельной сон не сулят там ничего хорошего, ибо теперь еженощно приходил туда и бесчинствовал злобный Грендель, в страхе держа всё королевство. Так обрёл замок двух владельцев, одного по праву рождения и строительства Хеорота – несчастного конунга Хродгара Скильдинга, а другого незаконно, по праву силы – ужасного Гренделя.

Сколько продолжались эти кровавые набеги – неизвестно, но только сдаётся, что длились они не один год. Потому что сложились уже сказания и песни о великой беде – безутешном конунге Хродгаре и губителе всего живого Гренделе, который жаждет лишь свежей крови и человеческого мяса, не знает жалости и не помышляет о мире.

За всякое убийство у германцев по законам отцов полагалась своя плата. Каждую жизнь можно было оценить, назначая вергельд – выкуп. Потому что каждый человек имел свою цену в те годы. Но Гренделю не было дела до людских законов, и платить он ничего не собирался. Обнаглев от безнаказанности и опьянев от крови, ибо даны не могли дать ему достойный отпор, он подкарауливал каждого, кто осмеливался приблизиться к Хеороту. И неважно, был ли это закалённый в боях ратник или простой крестьян, женщина или старик – всех хватал Грендель, душил и в лепёшку разбивал ударами огромных кулаков, а потом, скрутив в вязанки, как хвост, относил в своё болотное логово. Даже детей не щадил он – здесь не могли помочь ни слёзы, ни деньги.

Померкли некогда весёлые Палаты Оленя, и тьма окутала лестницы, переходы и залы недавно ещё шумного и беспечного замка. Лишь к трону Хродгара почему-то не мог приблизиться Грендель – великая светлая сила, исходившая из этого места, не позволяя чудовищу опоганить престол славного конунга.

Не раз потомок Скильдингов, сын Хальфдана, призывал учёных мужей, старейшин и дружинников на советы, чтобы найти средство от набегов Гренделя. Жрецы обращались и к верховным богам, и к злым духам, приносили им жертвы и готовы были отдать что угодно, лишь бы освободить королевство от злой напасти. Но всё было тщетно.

И всё же услышали боги молитвы данов: прознал о несчастьях их королевства северный сосед – гаутский конунг Хигелак. Вызвал он к себе старейшин, и, посоветовавшись, они решили отправить на помощь данам самого славного воина из своей дружины. Могучий и неустрашимый, он без колебаний согласился и стал готовить ладью, чтобы отплыть со своими сподвижниками к датскому королю. Это не заняло много времени: по его приказу спустили на воду лучший корабль с гордым лебединым профилем.

– Там, – показал храбрец на море, – лежит некогда грозное, но ослабшее нынче датское королевство! Не могут больше кольчужники Хродгара защитить своего предводителя.

Поможем ему нашими доблестными мечами, подставим ему свои плечи, раз уж так измельчали даны!

И хотя многие ратники понимали великую опасность путешествия и тревожились за судьбу своего вожака, но все как один одобрили его слова. Вслед за тем метнули жребий, и он показал, что поход будет удачным.

Из дружины Хигелака были отобраны лучшие из лучших, храбрейшие из храбрых, вернейшие из верных, дабы отправиться в гибельный поход. Всего набралось пятнадцать человек.

Великолепная ладья с носом в форме лебединой шеи уже поджидала их на песчаном берегу между скал. Когда снаряжение было погружено на корабль, щиты повешены по бортам, вооружение сложено на палубе, воины расчехлили парус, и медленно, словно гигантская птица, взлетающая со своего гнезда, вышел из залива в открытое море грозный драккар.

Не успел пройти день и пронестись ночь, как увидели мореходы пред собою край чужой земли. Высокие утёсы простирались по левую руку и небольшая отмель в удобной маленькой бухте – по правую. Туда и направили они свой корабль, благодаря богов, что так спокойно и быстро позволили они пересечь им море – ни ветер, ни шторм не стали помехой воинам.

Бросив якорь, сошли ратники на солнечный берег, выгрузив всё своё вооружение. И когда облачились они в кованое железо и подпоясались мечами, то блеск от их лат издали заметил хранитель этих берегов – датский часовой. Его настолько поразил сверкающий наряд сошедших на землю героев, что он не сразу сообразил, как ему следует быть. Однако вскоре, взяв себя в руки, вскочил на коня и помчался с холма, откуда обозревал окрестности, напрямком к причалившей ладье. Подъехав на расстояние десяти шагов, он выставил вперёд копьё и первым вступил в переговоры:

– Стойте, морские пришельцы! Обращается к вам дозорный Скильдингов! С чем пожаловали к нам, незваные гости? С миром или с войной? Что привело вас в наши края? Много лет я наблюдаю за этим побережьем, но никогда ещё не видел, чтобы так спокойно, по-хозяйски, выгружалось бы иноземное войско, словно прибыло к себе домой. Никто, кроме Хродгара и его приближённых, не может дать право чужакам находиться здесь самовольно.

Намётанный глаз дозорного выделил из пришлых ратников самого высокого и статного, в самых дорогих доспехах. К нему он и обратился:

– Кто ты, могучий воин? Таких ещё не доводилось мне видеть в этих местах. Понятно, что ты не разбойник и что в жилах твоих течёт благородная кровь, а люди твои – не шайка воров. Но ты должен дать мне ответ, раз уж самовольно высадились вы на датское побережье!

Тогда статный воин вышел вперёд, снял с головы шлем и ответил с достоинством:

– Все мы – дружинники Хигелака, конунга гаутов. Я – сын Эггтеова, который давно оставил этот мир, хотя в моей стране его до сих пор помнят многие, ибо был он великим воином. Но не с войной пришли мы на вашу землю, а на подмогу вашему повелителю, славному конунгу Хродгару Скильдингу. Прослышали мы у себя за морем, что страдает Хеорот от набегов невиданного чудовища, которое по ночам убивает и пожирает славных датских воинов, и что нет на него никакой управы. Я готов сразиться с чудовищем, но скажи, доблестный страж, не пустые ли это слухи? Всё и вправду так плохо в датском королевстве?

– Что ж, недалеко от истины твои слова. Действительно, жуткие напасти переживаем мы с тех пор, как отстроили на беду Хеорот, этот несчастливый замок для победных пиров. Сердце подсказывает мне, что вы честны и открыты, а помыслы ваши похвальны. Поэтому сам укажу вам кратчайший путь к Хродгару, а своим слугам препоручу заботу о вашей ладье. Можете без опасений оставить её на этой отмели – они присмотрят за ней, никого не подпустят и близко, а если надо, то починят и подлатают, чтобы и в дальнейшем корабль мог бороздить просторы моря, унося с собой тех, кто вернётся из вас живыми после схватки с болотной тварью. Да хранят вас боги!

И вот уже вереница отважных героев, сверкая шлемами, украшенными клыками вепря, и звеня кольчугами, отправилась между скал вслед за береговым стражем.

Спустя время вдаль показались остроглавые башни замка Скильдинга. Как только вышли гауты на прямую дорогу, страж попрощался с ними и ускакал назад, на свой пост. Настал черёд и дружинникам Хигелака удивиться размерам и великолепию твердыни Хродгара. Никогда раньше не приходилось им видеть столь величественных укреплений. Дойдя до замка, они сняли с себя доспехи и присели отдохнуть под стенами невероятной цитадели. А сверху, со стен, уже присматривались к ним привратники, охраняющие королевский покой.

– Кто вы, доблестные воины в прекрасных латах? – спросил главный из них, по имени Вульфгар. – Откуда вы и куда держите свой путь? Золото на ваших шлемах и щитах говорит о знатном происхождении их владельцев. Может, вас кто-то изгнал из родной обители, и вы теперь скитаетесь в поисках убежища? Или вы ищете ратной славы и готовы прийти на службу к нашему королю?

И тут предводитель гаутской дружины, высоко вскинув голову к вопрошавшему, впервые назвал своё имя.

– Зовут меня Беовульф, я – сын Эггтеова, ратник Хигелака, – сказал он. – Мы прибыли, чтобы помочь вашему королю справиться с болотной тварью, что терзает по ночам его людей. Распорядитесь, чтобы нас пустили к конунгу – мы готовы поведать ему о наших намерениях. Уверен, он обрадуется нашему появлению!

Привратники, посоветовавшись между собой, отправились к королю с докладом о прибытии чужестранных гостей.

Представ в тронном зале перед властителем Хродгаром, Вульфгар сказал:

– О благодетельный повелитель, к нам из-за моря прибыл отряд могучих воинов из дружины Хигелака. Я много повидал и бродяг, и изгнанников, и благородных ратников, но никогда еще столь статных и прекрасно вооружённых воинов не было у наших врат. Их копья из ясеня, а шлемы из золота. Их мечи, сияющие на солнце, как факелы, так и ждут, когда им позволят напиться вражеской крови! Беовульфом зовут их предводителя. Вели впустить их, и они поведают, зачем прибыли к тебе. Не прогоняй незваных гостей, возможно, их привели к нам сами боги!

– Ты сказал, Беовульф? – задумался Хродгар. – А ведь я знал его отца – славного Эггтеова, и мать, которая приходилась дочерью самому Хределю, основателю королевской династии гаутов. Он не просто воин Хигелака, он его племянник! Видеть я его не видел, но многое слышал о нём от заморских гостей, приходящих с вестями от Хигелака. Говорят, он могуч, как тридцать кольчужников. Может, и вправду сами боги сжалились над нами, прислав подмогу? Зови их скорее! Если оправдаются мои ожидания, щедро награжу их дарами, как подобает Скильдингам!

Услышав повеление государя, Вульфгар вернулся к воротам замка и отворил их, поклонившись отдыхающим под стенами гаутам:

– Добро пожаловать в наши чертоги, славные воины! Наш король Хродгар помнит отца Беовульфа и деда его! Прошу следовать за мной – повелитель данов ждёт вас. Но перед тем, как предстать пред владыкой, оставьте мечи и копья в оружейной палате. Не обессудьте, так принято в наших землях.

Беовульф согласился и приказал своим людям исполнить просьбу Вульфгара. Этот закон – входить без оружия в зал к королю – также был принят и в землях гаутов.

Вскоре безоружные дружинники в сверкающих латах и шлемах вошли в пиршественный зал Хеорота и встали перед тронном, на котором восседал король датских земель. Блеск их железных панцирей и кольчуг затмил сияние солнца, чьи лучи проникали в стрельчатые окна.

– Верный ратник Хигелака, повелителя гаутов, приветствует тебя, славный Хродгар! – возвестил заморский гость. – Приветствует и передаёт пожелания благоденствия от своего

дяди! Вся наша жизнь посвящена ратным подвигам. Всем известны наши победы. Но недобрые вести достигли наших земель. Мореходы, что следуют тропами сельдей, говорят, будто мерзкое чудовище, исчадие тёмных болот нападает ночами на твои владения. И никто не в силах противостоять ему. Дядя мой на совете вождей и старейшин решил отправить к тебе на подмогу лучших из лучших. И вот мы пред тобой!

– Что же! – обвёл радостным взором пришельцев Хродгар. – Я знал, что славный Хигелак не оставит своих друзей в беде! Рад я, что столь славные герои пожаловали нам на подмогу. Но знаешь ли ты, сколько воинов уже убила эта зловонная жуткая тварь – Грендель? Сможете ли вы одолеть это ужасное чудовище?

– Не буду хвастаться, о досточтимый конунг, но многие могут поведать тебе, что я не раз побеждал чудовищ в неравных схватках! И не только на суше мне удавалось взять верх над ними, но и в водах морских! Ночное время как раз по мне. Грендель, насколько я знаю, ни копья, ни меча не использует, надеясь лишь на свою непомерную силу и тёмное болотное колдовство. Что ж, понадеюсь на свою силу и я! Выйду против него таким, как стою пред тобой сейчас, – безоружным. И пусть судьба рассудит, кто из нас прав. Ты же при любом исходе поединка останешься не в накладе. Коли победа будет за мной, избавишься от мерзкого чудовища. Если же так обернётся, что он возьмёт верх, то и воинов моих он погубит, и трупы наши унесёт в свои смрадные болотные пещеры. А значит, тебе не придётся тратить ни на наше содержание, ни на пышные похороны. В этом случае прошу только об одном: моё оружие, что я вверил твоим людям, передай нашему правителю, ибо изготовил его лучший кузнец Скандинавии, равный Гефесту, великий мастер Вилунд.

– Конечно, я сделаю всё, как ты просишь, – ответил Хродгар с лукавой улыбкой и как бы невзначай вспомнил: – Сегодня ты пришёл к нам на помощь, но было время, когда и я помог твоему отцу – Эггтеову. Однажды он повздорил с Хадолафом. Оба были молоды и горячи. Схватившись за мечи, они решили выяснить, кто из них прав, в поединке. И твой отец убил Хадолафа, после чего вынужден был бежать, опасаясь мести сородичей. Не знаю уж, кто был из них прав, а кто нет... Так же, как ты, он приплыл сюда на корабле. Я приютил его здесь, а роду Вильвингов, откуда происходил Хадолаф, я выплатил золотом вергельд за пролитую кровь. И хоть Эггтеов потом вернулся домой и был принят гаутами, но остался моим должником и верным вассалом. Что ж, вижу, долг возвратился ко мне... Уже немалое время злое чудовище терзает мою дружину. Всё меньше остается у меня в строю воинов с отважным сердцем и с твёрдой рукой. Но, видно, пробил теперь и час мерзкой твари! Многие бросали ей вызов, многие пировали здесь вечером, а под утро сами становились угощением для Гренделя. Немало славных сподвижников я потерял... Однако есть ещё время до наступления сумерек. Вас ждёт славный ужин. Вы – мои гости! Садитесь за дубовые столы.

Хродгар повелел подать яства и вина. В честь Беовульфа начался славный пир. Серебряные кубки со звоном сходились над столами, а сами столы трещали под тяжестью блюд с цельными тушами кабанов и запечённых гусей.

Позвали скальдов, которые принялись исполнять застольные песни и нараспев рассказывать истории славных походов Хродгара. Вперемежку сидели за столами люди обоих племён, радуясь возможности передохнуть перед страшной, неотвратимо надвигающейся ночью.

Только один из данов, что сидел ближе всего к королевскому трону, был мрачен, ничего не ел и лишь осушал кубок за кубком, недобро поглядывая на весело пирующего предводителя заморской дружины. Очень уж раздражал его высокий и статный Беовульф. Звали завистника Унферг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.